

— Работа художника тяжела и утомительна, а петь зазывалы гораздо проще. Не нужно ничего делать, просто петь ребенку пару песен, развлекать его, болтать и общаться.

— Ничего, мне нравится это. Рисовать то, что у меня в голове — это непередаваемая радость! Так что я спою вам, когда закончу работу, хорошо? — на этот раз Ляо Цюли решил обойти отца и напрямую поговорить с ребенком.

Ребенок долго молчал, не отвечая. Ляо Цюли не нервничал и не злился, он просто стоял и улыбался, ожидая решения. Пока он ждал, он думал: «Почему этот ребенок такой печальный? Ему всего несколько лет, а он уже такой серьезный. Еще немного, и у него появятся морщины на лбу!»

Эта мысль заставила его улыбнуться еще шире, но, поскольку он уже улыбался, это выглядело естественно.

Ребенок, увидев его улыбку, невольно сказал:

— Хорошо.

Так и решили. Днем он работал, а вечером пел зазывалы.

В первый вечер ребенок уже ждал его в зале. Ляо Цюли вернулся домой, умылся и пошел к нему. По дороге он услышал, как в переулке продают копченую рыбку, и купил немного копченой свиной головы и несколько копченых желтых горбылей, завернул их и понес с собой. В усадьбе управляющий провел его в зал и ушел. Ляо Цюли не стеснялся, вошел и сказал:

— Извините, что заставил вас ждать.

Он не стеснялся, потому что видел в ребенке просто ребенка, а не незаконнорожденного сына князя Су. Кто он был, если отбросить его статус? У него была мать, которая скрывалась, отец, который его баловал, и больше ничего. У него не было друзей его возраста, он не мог бегать по переулкам, играть в грязь, в шарики, в воздушных змеев или в прятки, как обычные дети. Он не мог ласкаться к родителям. Бедный ребенок, ему было всего девять лет, но он жил как в клетке! Наверное, он даже не видел копченой рыбки!

Ляо Цюли пожалел его, подошел к нему, присел на корточки, открыл сверток и протянул ему:

— Смотри, копченая рыбка. Ты пробовал?

Ребенок покачал головой и тихо сказал:

— Я слышал, как ее продают на улице, но дома мне не разрешают есть. Говорят, это грязно,

можно заболеть.

— Ничего, я ел ее сотни раз и ни разу не болел! Попробуй, это вкусно!

Ребенок немного подумал, взял кусочек желтого горбыля и начал медленно жевать. Ляо Цюли положил сверток на стол и с улыбкой наблюдал за ним.

— Ну как? Неплохо? — спросил он, сам взяв несколько кусочков копченой свиной головы и начав петь зазывалу про копченую рыбку.

Они ели и слушали, и скоро весь сверток был съеден.

— Вкусно? — снова спросил Ляо Цюли, все еще улыбаясь.

Ребенок тихо кивнул.

— Завтра принесу тебе жареную баранью голову и сахарные палочки, хорошо?

Ребенок снова кивнул, но на этот раз его голос был мягче, и он сам стал мягче, больше похожим на девятилетнего ребенка.

— Ну, на сегодня все, я пойду, завтра еще работать нужно, — Ляо Цюли улыбнулся и договорился, что на сегодня хватит, а завтра вечером продолжим.

Услышав, что он уходит, ребенок снова нахмурился, его лицо омрачилось, и он явно не хотел отпустить его. После паузы он спросил:

— Ты можешь остаться? Останься со мной.

Ляо Цюли снова пожалел его, но, несмотря на жалость, он понимал, что не может взять на себя такую ответственность.

— Мы — простые люди, нам не подходит оставаться в усадьбе князя. Я приду завтра вечером, хорошо?

Он уже собирался уходить, когда ребенок подбежал к нему и тихо сказал:

— Меня зовут Сяо Юй. А тебя?

Ляо Цюли, уже переступив порог, обернулся и ответил:

— Ляо Цюли. Мой отец сказал, что в год моего рождения был большой урожай груш, поэтому он дал мне такое имя. Легко запомнить, если не можешь, можешь звать меня Лицзы.

— Твоя семья тоже зовет тебя Лицзы? — спросил ребенок.

— Нет, они зовут меня по полному имени.

— Значит, только я могу звать тебя Лицзы?

— Да, только ты. Легко запомнить, правда?

Ляо Цюли думал о удобстве, а ребенок думал о том, что это имя принадлежит только ему. Они думали о разном, и, в конце концов, ребенок думал глубже.

Сцена в усадьбе князя Су строилась около трех месяцев и наконец была завершена. В день завершения князь Су приехал посмотреть и, что было редкостью, улыбнулся и похвалил работу. Конечно, щедрая награда была неизбежна, но, помимо этого, он особо отметил Ляо Цюли, сказав:

— Теперь, когда сцена готова, ты больше не будешь здесь работать, но ты должен приходить каждый день, независимо от того, насколько ты занят. Приходи в любую погоду, понял?

Князь Су так старался ради своего незаконнорожденного сына, чтобы порадовать его. Он давно заметил, что ребенку не хватает компании, и он несчастен. Ранее он пытался найти для него друзей его возраста, но ребенок игнорировал их, а если злился, то даже выгонял их! Но, видимо, Ляо Цюли каким-то образом пришелся ему по душе. Его тоска была очевидна, и теперь, когда работа была завершена, ребенок был расстроен, боясь, что Ляо Цюли больше не придет. Но это было легко исправить: если он хоть кого-то принимал, то можно было просто оставить его в усадьбе.

Ляо Шисян только внутренне стонал: «Что это за история?! Работа закончена, но он не может уйти, должен приходить каждый день, в любую погоду, даже если с неба падают камни! Что наш младший сделал, чтобы заслужить это?!»

Ляо Цюли не задумывался об этом, он просто жалел ребенка и согласился, причем довольно охотно:

— Хорошо, я буду приходить каждый день, пока вы не устанете от меня.

Он имел в виду, что, если ребенок устанет от него, он перестанет приходить.

Но как он мог устать? Ребенок привязался к нему и не хотел отпускать.

Весна сменилась осенью, лето уступило место зиме, и прошел год. За это время Ляо Цюли и Сяо Юй стали практически неразлучны. Сяо Юй звал Ляо Цюли «Лицзы», а затем попросил его придумать имя, которое только он мог бы использовать. Ляо Цюли не умел придумывать имена, даже маленькие, и долго мучился, пока его не заставили выбрать одно. Какое? Огненный Каштан!

Почему именно Огненный Каштан? Потому что иероглиф «Юй» в имени Сяо Юя состоял из огня слева и «солнца» и «стоять» справа. «Стоять» звучало как «каштан», и это сочеталось с «Лицзы», так как оба были съедобными. Так и решили — Огненный Каштан. В особо нежные моменты его называли «Маленький Каштан». Эти двое часто вместе ели угощения, купленные на рынке: гороховые пирожные, рулеты из фасоли, сладкие лепешки, баранью голову, медовые палочки, сахарные палочки. Иногда Ляо Цюли сам готовил что-то и приносил, но не ел, только смотрел, как Сяо Юй с жадностью ест, и говорил:

— Ешь медленнее, здесь еще есть!

Конечно, они не только ели. Иногда, когда Сяо Юй был расстроен, они говорили по душам.

Однажды вечером Ляо Цюли пришел и не увидел Сяо Юя в зале. Управляющий отвел его к озеру в саду, где ребенок его ждал. Когда они встретились, Сяо Юй не сказал ни слова, хотя обычно он и так был немногословен, но сегодня он выглядел особенно печальным.

Ляо Цюли спросил:

— Что случилось? Почему ты такой грустный?

После долгого молчания Сяо Юй сказал:

— Вчера вечером мой отец снова бил мою мать...

Ну, это семейное дело, в которое лучше не вмешиваться.

Ляо Цюли кашлянул, пытаясь сменить тему.

Но Сяо Юй продолжил:

— Мой отец часто бьет мою мать, это неправильно. Если бы я любил кого-то, я бы никогда не ударил его. Я бы держал его в руках, смотрел на него и хранил в своем сердце.

Услышав это, Ляо Цюли не смог сдержаться и рассмеялся. Сяо Юй нахмурился и спросил:

— Чему ты смеешься?

— Тебе всего десять лет, а ты уже говоришь о любви! Как тебе не стыдно! — Ляо Цюли поддразнил его, сделав жест, как будто стыдит.

<http://bllate.org/book/15507/1377244>